

ТАМплиер

ПРЕДАТЕЛЬСТВО
СВЯТОГО ПРЕСТОЛА

ПОПАДАНЕЦ В СРЕДНИЕ ВЕКА

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Тамплиер

Юрий Корчевский

**Тамплиер. Предательство
Святого престола**

«Феникс»

2018

Корчевский Ю. Г.

Тамплиер. Предательство Святого престола / Ю. Г. Корчевский —
«Феникс», 2018 — (Тамплиер)

ISBN 978-5-222-39155-6

Заключительная книга цикла «Тамплиер». Прославленный и опытный воин, герой многочисленных боев в Палестине и на Руси, Александр Ворон возвращается во Францию, где начался его поход после провала в прошлое. Магистр ордена Храма готовит новый крестовый поход, чтобы в очередной раз попробовать освободить Святую землю от иноверцев. На Кипре сосредотачивают войска и снаряжение. Александр присоединяется к армии, принимает участие в сражении с мамлюками. Но удар в спину тамплиерам наносит король Филипп Красивый — при потворстве Святого престола самых верных защитников христианства обвиняют в сатанизме, магистр и приоры брошены в тюрьму, их подвергают пыткам. Но главная причина гонений на орден — зависть короля к богатству рыцарей Храма. Александр пытается спасти честь своих боевых побратимов, но инквизиция неумолима, и Воронов вынужден вернуться домой.

ISBN 978-5-222-39155-6

© Корчевский Ю. Г., 2018

© Феникс, 2018

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юрий Корчевский Тамплиер. Предательство Святого престола

© Корчевский Ю. Г., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Снова Франция

Селение Ладога большое по местным меркам. Торг богатый, на улицах народу полно. От озера, больше на море похожего, сыростью тянет и холодом. Днём ещё солнце пригревало, а по ночам вода в лужах покрывалась ледком.

Остановился Саша на постоялом дворе. Купеческие суда и обозы делали последние ходки. Если дожди пойдут, дороги развезёт. А ежели морозы рано придут, лёд на реках и озёрах встанет, тогда корабли на прикол, на берег, в судовые сараи.

С работой плохо, если только амбалом в порту мешки и тюки таскать или бочки по трапу катать. Однако Саша себя воином считал, да и на самом деле был им, для него амбалом работать – унижение. Пробыл неделю в Ладоге, купил ферязь шерстяную, от холода защита хорошая, да и обратно в Кострому возвращаться решил. Может, и зря уехал после гибели булочника, перестраховался. С последним ушкуем вернулся в город. Авдотья и Любава так рано его не ждали, обещал через два-три месяца. Возвращению обрадовались, на шею кинулись, как всегда у женщин – слёзы радости. За стол усадили, шанежками с творогом накормили. Шанежки недавно из печи, ещё горячие, духовитые. Пока он ел, соскучившись по домашней стряпне, наперебой рассказывали, как жилось.

Насытившись, Саша баней занялся. После дальних поездок всегда так: смыть дорожную пыль охота, а с нею и воспоминания, коли неприятные были. Баню натопил, воды натаскал из колодца, согрел в котле. Пока вода грелась, зашёл в конюшню, лошадь огладил.

– Застоялась без хозяина. Ничего, завтра прогуляемся, кровь разгоним.

Морковку ей сунул, для лошади самое то, любят они. В бане котёл с горячей водой уже забулькал, паром исходит. Саша в избу, а на лавке уже чистое исподнее приготовлено, полотенце. И женщины суетятся, тоже в баню собираются. Баню приготовить – не женское дело, тяжело физически. Поднять ведром из колодца воды, в общей сложности литров двести-триста, перенести в баню, наполнить котёл, наколоть дров, протопить. Пока приготовишь, не раз вспотеешь. Зато благодать какая! После мыльни и парной кожа аж скрипит под пальцами, а после бани в предбаннике, когда разгорячён, прохладного кваса выпить. Спиртное после бани ни-ни! Сердце колотиться будет, для здоровья вредно. Да и не поступал так никто. Не первый раз он со своими женщинами в бане, а всё глаз отвести не может, обе по-своему хороши. И надо что-то предпринимать. Посидели в предбаннике, остыли, Саша и выдал:

– Любава, пойдёшь за меня замуж?

Место для предложения руки и сердца не самое подходящее, уж лучше бы за столом, за трапезой. Под настроение сказал, уж сколько знакомы, в опасных и трудных ситуациях были, когда люди лучше всего раскрываются.

Любава замерла, щёки румянцем вспыхнули, ушам своим поверить не может. Кивнула, давая согласие. И Авдотья, на пару минут застывшая в шоке, засуетилась:

– А что же мы здесь сидим? Радость-то какая! Давно пора. Одно плохо, приданого нет.

– Авдотья, окстись! Какое приданое, она же сирота! – остановил её Саша.

Прошли в избу. Пока Саша баню топил, женщины расстарались, кашу сварили и щи постные. Не ожидали его, потому без мяса. Зато хлеб вчера испечён, мягкий, духовитый, не зря говорят – хлеб всему голова. Любава в растерянности от предложения то улыбается, а то слёзы на глазах выступают. Для любой девушки первостатейное желание – выйти замуж. Муж и защитит, и накормит, а сироту всяк обидеть может. Авдотья женщина разумная, мудрая. Сразу быка за рога ухватила:

– Когда свадьбу играть будем и венчаться?

Родителей у Любавы нет, сватов засылать не к кому.

– По мне – хоть завтра, – улыбнулся Саша.

– Э, так не годится. Приготовиться надо – одежду праздничную, стол накрыть, гостей созвать.

– И ещё скоморохов с гуслими и дудками, чтобы попеть-поплясать, – поддакнула Любава.

– Деньги на обновы дам, идите завтра на торг. А мне скажите, что к столу прикупить.

– Мяса, рыбы, вина да пива. Всё остальное сами сделаем.

А из гостей – только соседей приглашать. Не обзавелись ещё на новом месте друзьями. Саша рад бы видеть монаха Фотия, да далеко он ноне, во Владимире. Женщины после ужина судить-рядить стали, что купить, во что нарядиться. Тема на все времена вечная для женского пола. Девичник бы устроить, а подружками Любава не обзавелась ещё. Днём на работе у купца, за детьми его присматривает, а вечерами Авдотье помогает – за печью управляется да травы перебирает. Обе женщины не ленивы, да не скандальные, а ещё за Сашу держатся. Всё же Домострой – великое дело. А ещё немаловажно: видели Сашу в деле, знали – положиться можно, не подведёт и не бросит, каким муж славный быть должен.

Суеты много получилось, денег ушло изрядно. В церкви повенчались, кольца серебряные на пальцы одели, а потом свадебку играть. Соседей полтора десятка набралось, подарки принесли. Три дня, как положено, гуляли. Саша к концу третьего дня устал от множества посторонних в избе. Плохо, что не было родителей – ни его, ни невесты. А ноне не только у них, многие дети осиротели после нашествия Дюдения, так что уже не удивительно. Заместо мамы Авдотья на свадьбе распорядителем была. Саша нанял на несколько дней кухарок, его женщины и так с ног сбились. Получилось не хуже, чем у других.

За хлопотами зима настала, выпал первый снег, быстро стаял, грязь везде. Ночью грязь замерзала, днём оттаивала.

Александр несколько раз на лошади выезжал за город. По городским улицам не разгонишься, опасно, вдруг собьёшь кого-нибудь? За такое вира пострадавшему изрядная. А за городом раздолье, дороги пустынные, на телегах уже не везде проедешь, а на санях рано: снега нет, осенняя распутица. Саша работу присматривать начал, муж добрый в дом деньги приносить должен, не быть нахлебником. Да пока неудачно. Он воин, а охранники для обозов пока не нужны, не ходят обозы, купцы выжидают, пока снег ляжет. А другими профессиями Саша не владел. Печником или кузнецом учиться не один год, в подмастерьях ходить, прежде чем мастером станешь. Плотником избы рубить, так навык нужен, а кроме того, сельские работы кончились, деревенские на заработки в города подались, а топором они владеют отменно, да ещё артелями работают. Седмица – и изба готова.

Обидно Саше. Супружница Любава работает, Авдотья тоже, денгу в дом приносят. А он, здоровый молодой мужчина, получается, нахлебник. Женщины его не корили, изба и всё хозяйство его, Сашины деньги в запасе были. Бездействие угнетало, на нервы действовало. Чтобы занять себя, то саблю дамасской стали поточит, хотя клинок острый, как бритва. То за меч возьмётся. Смазать надо, чтобы не ржавел. Качество стали хорошее, но нержавеющих добавок тогда не было. Будешь за оружием ухаживать, так в приличном состоянии потомкам оно достанется. А забросишь – через несколько лет в ржавую труху превратится. Но что заметил – как возьмёт в руки оружие, с которым на Святой земле воевал, так сразу воспоминания нахлынут. И Акра, и рыцарь Огюст, умерший от ран практически на его руках и чей патент на рыцарство у него в пенале хранится в подвале. Желание сильное появилось снова рыцарем побыть, подышать воздухом Франции. Жаль, что шато де Бриан в Ла-Флеш продал, было бы где остановиться. Нет, продал и продал, чего жалеть? Вот один вопрос мучил сильно. Знал из истории, что орден тамплиеров разгромлен был королём Франции Филиппом IV при попустительстве папы Климента V, а может, и прямом участии.

Орден-то был создан для защиты паломников на Святой земле. А ныне земли те захвачены мамлюками. И королю и Клименту богатства ордена глаза застили, жадность обуяла. Тамплиеры с момента создания были нищими, даже на печати ордена два рыцаря на одной лошади, как знак нестяжательства. Со временем орден разбогател, вес в обществе приобрёл, у короля зависть чёрная. Саша пытался ответить, хотя бы для себя – как орден, грозная военная сила, дал себя уничтожить? Воинский опыт есть, число рыцарей велико, денег на снаряжение и оружие хватает, Великий магистр ордена умён и обладает организаторскими способностями. Да объедини он рыцарей, и войско короля будет разбито на бранном поле. Куда смотрел Жак де Моле? Именно он был Великим магистром с 1292 года и по 22 марта 1312 года, чёрной даты разгрома ордена. Почему? Рыцари-тамплиеры не малые дети, как их провели вокруг пальца? Или предательство было? С каждым днём и неделей этот вопрос мучил Александра всё больше. Понимал разумом – женат он, надо работать, не до тамплиеров. Но прожитых лет в Акре из памяти не выбросишь. Очень тянуло. И не столько посмотреть, но и принять участие. Зная, кто враг рыцарей и год разгрома, вполне можно попробовать изменить ход истории, сохранить славный орден. Нелепость ведь, когда боевой орден по защите христианских святынь канул в Лету, а те же гнусные иезуиты остались. Память об иезуитах недобрая, в инквизиции принимали активное участие, и выжил орден, хотя честными рыцарями ненавидим и презираем был.

Понимал умом – идея его бредовая, во Франции он не был несколько лет, и ситуация изменилась. Но не это главное. Как молодую жену оставить и Авдотью? Если уедет, это на несколько лет. В принципе купцы уходили на судах в дальние страны надолго, и женщины ждали. Но купцы-то возвращались с прибылью, а он с чем вернётся? Да и вернётся ли? Но всё же посчитал запасы денег, что получил за продажу шато иезуитам. Золота хватало, а ещё – ценности были и бумаги. Если грамотно распорядиться ими, может выгореть, причём как для ордена, так и для него лично. Женщинам ничего не говорил, не спеша всё обдумывал.

Через месяц, как снег глубокий лёг, и работа нашлась – сопровождать санные обозы купеческие в качестве охранника. Лошадь есть, броня, оружие и навыки. Невелики деньги, но всё же прибыль. Предупредил женщин, скромную перемётную суму к задней луке седла привязал да с обозом выступил. На десяток саней два охранника. Учитывая ценный груз, охрана слаба. Под рогожей на санях-розвальнях мех, товар дорогой и ходовой. По русским зимам лучше меха согреет только печь на постоялом дворе. Мех, особенно ценных пород, вроде соболя, лёгок, не боится мокрого снега и греет отлично. Обоз во Владимир направился. От Костромы десять дней пути. Добрались без происшествий. Купцы утром на торг, а Саша в монастырь, хотелось с Фотием увидеться. Расстались-то не попрощавшись, когда монах икону привёз. От постоялого двора пешком шёл, оставив лошадь в конюшне. Снег под ногами поскрипывал, мороз за щёки щипал. Воздух чистый, дышится легко. На одном месте, памятном для него, остановился. Здесь напали на него двое, убить пытались. Тогда Сашу, раненного, в монастырь привезли, выходили. Постоял пару минут, воспоминания нахлынули. Чем ближе к монастырю, тем быстрее шёл. Как там монах поживает, вспоминает ли приятеля из мирской жизни? Саша кулаком постучал в ворота обители, отворилось окошечко, показался послушник.

– Мне бы монаха Фотия увидеть.

– Так нет его.

– Как нет? Помер? – испугался Саша.

– Да что ты! Как можно? Настоятелем его перевели в Муром, уже несколько месяцев как.

– Повысили, значит? Рад за него!

– Может, другого кого надо?

– Нет. Прощай.

– Да храни тебя Господь!

Видимо, в возвышении Фотия немаловажную роль сыграло возвращение в монастырь иконы. Саша искренне порадовался за чернеца. Фотий на самом деле божий человек. Но насто-

ятель монастыря должен обладать и другими качествами, не только крепкой верой, но и организаторскими способностями. В вере Фотий крепок, немало испытаний принял, в остальном Саша не уверен был. Дюденева рать, пройдясь по Руси, сожгла и разграбила храмы и монастыри. Служителей не хватало, Фотий пригодился. Обычно настоятелями ставили людей в годах, мудрых. Фотий умён, набожен, но сможет ли достаточно твёрдо руководить чернецами? Саша попытался вспомнить, сколько лет Фотию. Нет, похоже, чернец не говорил, монахи все бородаты и патлаты, с возрастом ошибиться можно, больше дать, чем на самом деле.

Особенно разгуливать по Владимиру Саша остерегался, слишком много врагов у него в городе было. Да уж многие ноне в другом мире, не в последнюю очередь стараниями Александра.

У купцов, с которыми встречался Саша по вечерам в трапезной постоялого двора за ужином, торговля шла бойко. Целую партию соболя скупил торговцы из Казани, купцы руки потирали, ещё бы распродать остатки дня за два-три и можно, закупив товар для продажи в Костроме, домой отправляться. На постоялом дворе людей полно, все комнаты заняты. Прислуга два раза в день, утром и вечером, печи топят, в комнатах тепло. Да видимо, не усмотрели, выпал уголёк из топки. Ночь глубокая, все постояльцы спят глубоким сном. Саша проснулся от запаха дыма. Принюхался. Да вроде показалось. Всё же дверь из комнаты в коридор открыл и отпрянул. В коридоре дыма полно, в начале коридора огонь полыхает. Плохо! Огонь отрезал путь к выходу, и через оконца не выберешься, они маленькие, только голову просунуть можно. Делали такие специально, для сохранения тепла в холодные времена года, а ещё закрыть слюдяными пластинками или скоблёным бычьим пузырьём проще, дабы свет дневной в комнаты проникал. Саша во всю мочь закричал:

– Пожар! Горим! Просыпайтесь, поднимайтесь!

Проснулись постояльцы от крика, стали двери открывать. Кто дыма глотнул, закашлялись. Сразу суета поднялась. Один из постояльцев, как был в исподнем и босиком, бросился через огонь к лестнице. От ожогов закричал, волосы на голове вспыхнули. Не иначе разум помутился! Сначала одеться и обуться надо, чтобы от огня защититься, когда выбираться будешь. Александр быстро оделся, опоясался саблей, кошель с монетами за ворот рубашки сунул, выскочил в коридор. Дым по верху коридора плавает, впереди огонь жадно дерево сухое пожирает, треск стоит. Торговый люд нерешительно у дверей комнат толкается, оделись уже.

– Лица рукавами прикройте, держитесь за одежду друг друга и за мной! – скомандовал Александр.

Побежал по коридору, в полу его тулупа купец какой-то вцепился, за купца другой. Сейчас время решает всё. Успеют проскочить огонь, живыми останутся. Александр бежал с закрытыми глазами, почувствовал жар, запахло палёным от меховой шапки. Коридор не такой длинный, шагов двадцать пять, а показалось – долго бежит, от дыма дыхание перехватывает, невозможно полной грудью вдохнуть. От дыма глаза, хоть и зажмурил их Саша, слезятся. Бац! О перила ударился, стало быть – конец коридора, направо и вниз лестница ведёт. Повернуть надо, а сзади набегающие постояльцы напирают, от огня спасаясь. Саша рванулся вправо, помогая себе руками, загремел по лестнице вниз, за ним клубок человеческих тел, придавили к полу. В трапезной хозяин заведения мечется в панике. Саша из-под упавших на него тел кричит:

– Слуг зови, да с водой!

Огонь ещё погасить можно, а промедли, до основания изба сгорит, пепелище останется.

Расползлась груда, поднялся Саша. К лестнице уже двое слуг бегут, с ведрами воды. Вбежали, на пламя воду выплеснули. Да что два ведра, как слону дробина. Слуги вниз по лестнице кинулись. А из коридора крики и один голос, похоже, детский. Саша одного слугу за грудки схватил.

– Кто кричит? Дети среди постояльцев есть?

– Я не хозяин, за столами прислуживал.

– Лей на меня воду, сверху!

Второй слуга как раз вернулся с полным ведром воды, вылил на Александра. Купцы, стоявшие в растерянности от происходившего, смотрели с недоумением. Саша кинулся по лестнице на второй этаж, прикрыл лицо рукавом, огонь охватил уже почти весь коридор. Только треск слышен и гул пламени, воздух раскалён, дым, видно плохо.

– Эй! – закричал Саша и закашлялся.

Слева детский крик, потом женский, Саша рванулся в дверь. В угол комнаты, к распахнутому окну, прижались женщина и девочка лет десяти. Женщина в ночной рубашке.

– Одевайся, быстро! Я сейчас вернусь!

Саша схватил одеяло с постели, набросил на испуганного ребёнка, подхватил лёгкое тельце на руки, промчался по коридору и буквально скатился по лестнице. Передал ребёнка в руки незнакомому купцу. А уже в трапезной хозяин суетится, работников своих призвал, да добровольцы нашлись, выстроили цепочку, ведра с водой передают.

– Лей на меня! – крикнул Саша.

Сразу из двух ведер облили. Саша ведро с водой выхватил, побежал по лестнице, за ним несколько слуг с ведрами, стали воду на горящий пол и стены плескать. Пар рванул, с дымом смешался, видимости никакой. Всё же Саша нашёл вход в комнату, а там дыма полно, глаза разъедает, слёзы потекли. Женщина успела одеться, лицо испуганное.

– Платком закрой лицо!

Женщина невысокая, худенькая. Подхватил её Саша на руки – и в коридор. Дышать нечем, каждый вдох кашель вызывает, в висках стучит. Всё же выбрался, по лестнице уже на ощупь спускался, глаза из-за слёз не видели ничего. Женщину на пол опустил, крикнул:

– Воды!

Хотел лицо умыть, особенно глаза. А его из ведра окатили. Тулуп местами прожжён, вся одежда мокрая, пар от неё идёт. Всё же умылся, резь в глазах прекратилась, но в горле першит. Выбрался на улицу, свежим воздухом продышаться. А пламя уже из окон второго этажа, где постояльцы жили, пробивается.

К постоялому двору соседи с ведрами бегут. Если горящую избу не погасить, огонь может перекинуться на соседние постройки. Пожары на Руси всегда тушили всей улицей, иначе «красный петух» не пощадит никого. Александр побежал к конюшне. Лучше перестраховаться, вывести лошадь. А кони в конюшне волнуются, дым почуяли. Для любого животного огонь враг, его опасаются и дикие звери, и домашние животные. Лошади ржут, бьют копытами, мечутся в стойлах. Александр лошадь погладил, успокаивая. Седло накиннул, подтянул подпругу, набросил тёплую попону. А купцы или их слуги уже коней выводят, бегом ведут мимо горящего постоялого двора на улицу. Как всех вывели, руками вытолкали с заднего двора сани. В тушении пожара Саша участия не принимал. И так убытки понёс – шапка в негодность пришла, тулуп местами прожжён до дыр, а ещё от жара скукожился, к пользованию не пригоден. Пришлось всем костромским купцам на другой постоялый двор перебираться. Тесно получилось, но не на морозе же ночевать. Саша собирался утром на торг идти, за новым тулупом и шапкой, да ещё одно разочарование ждало. От пламени обгорели кожаные ножны на сабле и рукоять, сделанная из роговых пластин. Расстроился Саша, рукоять менять придётся, ножны ремонтировать. Получается, от его похода одни убытки, заработок их не покроет. А деваться некуда.

Купцы утром на торг, Саша с ними. Тулуп купил, шапку. На сапоги свои посмотрел, порыжели они от огня, но до весны продержатся. Направился к оружейнику в мастерскую.

– Можно что-то сделать?

Саша саблю в ножнах с пояса снял, отдал мастеру.

– Ножны за день новой кожей перетянем. А рукоять... Не найду я кость. Из дерева если.

Мастер стал рыться в ящике. Саша приуныл. Дерево в руке сидит ладно, руку в морозы не холодит. Однако и недостатки есть, кровью пропитывается, если в бою попала, скользить начинает, а ещё со временем рассыхается.

Пока раздумывал, оружейник кусок доски из ящика вытащил.

– Вот!

Саша дерево по структуре сразу опознал – тик! Такого дерева на Руси отродясь не было, а видел он его не единожды на нефах, что рыцарей перевозили.

– Это же тик! Где взял?

– Судно заморское в нашей реке прошлым годом затонуло. Плот с верховьев понесло, столкнулись. Посудина пробоину в носу получила, на дно пошла. Так делать?

– Делать!

Тик к воде стоек, как наша лиственница или дуб, не гниёт.

– Задаток давай – четыре денги и приходи послезавтра.

Без оружия непривычно воину, на поясе только обеденный и боевой ножи. Потолкался на торгу, всё равно делать нечего. Люди только и говорят, что о пожаре на постоялом дворе. Отстоять его от огня не получилось, благо – не перекинулся огонь на соседние избы. В лавках многочисленные мастера не только свои изделия продавали, но и делали, коли покупателей не было. У одной лавки постоял, на работу мастера засмотрелся. Инструменты в его руках простые, стамески, штихели, а изделия красивые получаются. По дереву режет, стружка идёт завитушками, запах дерева ноздри щекочет.

– Что стоишь? Нравится? Тогда купи!

– А деревянную рукоять украсить можешь на сабле?

– Смотря какое дерево и рисунок.

– Мне бы надпись.

– Приноси.

Решение о надписи пришло в голову спонтанно. Уж больно красиво делает человек, чувствуется вкус и мастерство, не каждому дано сие. На постоянный двор вернувшись, стал размышлять, какую надпись сделать. На многих рыцарских мечах, на саблях мусульманских есть надписи, на клинке, реже на рукояти. Зачастую – девизы, вроде «он жаждет крови», «повелитель вселенной» или «служит правому делу». И чем больше размышлял, тем больше заходил в тупик. Чего проще – придумать два-три слова, а кратко, содержательно и красиво не получается. Даже смешно стало, он – современного образования и воспитания человек, а ничего путного в голову не приходит. После ужина спать улёгся, по поговорке «утро вечера мудренее». Так и на следующий день ничего в голову не пришло. Через день получил оружие. Ножны обтянуты бычьей кожей, плотной и толстой, лоснятся. Рукоять на сабле с выемками под пальцы, в руке удобно сидит. Расплатился Саша, к резчику по дереву пошёл.

– Надумал? – спросил мастер.

С губ сорвалось:

– Вырежи «За святую Русь».

– Это можно. А на глаголице или кириллице?

Саша даже оторопел. Мастер-то грамотный. А Саша собирался на восковой табличке писать.

– На кириллице.

– Хочешь – подожди немного, посмотри. А желаешь – погуляй.

Саша остался, было интересно. Мастер угольком на деревянной рукояти надпись сделал, Саше показал.

– Сгодится?

Саша кивнул, рука у мастера тверда и глаз опытный, буквы ровные, как по линии. Мастер тонкий штихель взял, вроде узкой стамески, только жало в виде жёлоба. Сначала про-

резал дерево слегка, отставил, полюбовался. Потом другим штихелем, покрупнее, буквицы углубил. Для верности ещё раз прошёлся.

– Нравится?

– Вполне.

Мастер взял перо, обмакнул в горшочек с каким-то раствором, вырезанную надпись покрыл.

– Две денги и дай просохнуть, за рукоять не берись пока.

Саша расплатился, полюбовался. И ножны, и рукоять не хуже тех, что были до пожара.

Через несколько дней купцы свой товар распродали, закупили для продажи другой, в основном ткани, засобирались в обратную дорогу. Как водится, в зимнюю пору по мешку овса для каждой лошади подкупили. Утром и вечером лошадям сено давали, в полуденное время, на отдыхе – овёс. Лошадь не машина, требует периодически отдыха. Летом – траву пощипать, зимой овёс. Обозники во время отдыха перекусывали всухомятку – хлеб, сало, солёная рыба. Горячее варить слишком долго, ели кашу и щи утром и вечером, на постоялых дворах. Чтобы не замёрзнуть в санях, ездовые и купцы периодически соскакивали, бежали за санями, кровь разогнать. А всё равно морозом то щёки, то нос прихватывало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.